

Претерпевшие до конца. 1937 год

Глава из книги Владимира Яцкевича «В тихой Вологде»

Недавно из печати вышел очередной, уже восьмой, том библиотечки епархиального журнала «Благовестник». Он представит читателям историческую повесть Владимира Яцкевича «В тихой Вологде».

Герои повести – реальные люди, жившие на Вологодской земле: крестьяне, мастера, политические деятели, революционеры, священники. Многие из них стали жертвами жестокого террора, который на долгие годы воцарился в России после Октябрьского переворота. Повесть основана на исторических документах и охватывает период с 1906 по 1938 год. Среди пострадавших в страшную эпоху гонений особого внимания заслуживают те, кто, несмотря ни на что, не изменил своей вере, никого не предал, не оговорил. Среди них настоятель храма Рождества Богородицы

протоиерей Константин Богословский и другие вологодские новомученики. «Эта повесть, - пишет Владимир Антонович в предисловии к своей книге, - о тех, кто пытался остановить надвигающуюся революцию, но был сметен ею, уничтожен. И еще о тех, кто даже под угрозой смерти не отрекся от веры во Христа и не оговорил других. Таких, претерпевших до конца, твердых в вере людей Церковь называет святыми мучениками. Великое множество мучеников и исповедников было в России в двадцатом веке. Имена многих из них остались неизвестны. Все они обрели спасение и предстоят ныне у престола Божия». Для пасхального номера «Благовестника» редакция выбрала главу повести «В тихой Вологде», где говорится о Пасхе 1937 года.

Недолго длился период советской истории, который называли НЭП. К 1929 году власти снова ограничили свободу торговли, частного предпринимательства, печатного слова и начали новое наступление на Церковь. В начале 1929 года на места была отправлена директива, подписанная Кагановичем, в которой подчеркивалось, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы. В апреле 1929 года в Москве прошел Всесоюзный съезд безбожников, на котором объявили «о решительном наступлении на позиции церковников». Глава Союза воинствующих безбожников Емельян Ярославский (Губельман) провозгласил: «Борьба против религии –

Библиотечка
Вологодского
епархиального журнала
БЛАГОВЕСТНИК

это борьба за социализм». С обновленцами власти тоже теперь не церемонились, поскольку стало ясно, что это движение себя не оправдало и постепенно сходит на нет.

В Вологде в 1929–1930 годах было закрыто 32 храма. Запретили колокольный звон, прошла шумная кампания по снятию колоколов и их сдаче в металлолом. Всего осталось четыре действующих храма, из них традиционной, «тихоновской», Церкви принадлежали только Лазаревский на Горбачевском кладбище и нижний храм Рождества Богородицы на Богородском кладбище. В верхнем храме служили обновленцы. Они же занимали Воскресенский собор на Соборной площади. В храме на Введенском кладбище были григорианцы¹.

И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца, спасется.
(Мк. 13, 13.)

В мае 1932 года декретом правительства за подписью Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», цель которой провозгласили так: «К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на территории страны». К середине 1930-х годов антирелигиозная кампания достигла апогея. Каждый раз накануне большого православного праздника по городу разъезжал грузовик, в кузове которого находились комсомольцы из Вологодского общества безбожников. Карикатурно одетые в рясы и камилавки, с приклеенными бородами и с кадилами в руках, они кривлялись, изображая церковную службу. Атеистические статьи появлялись чуть ли не в каждом номере областной газеты. Широко распространялся журнал «Безбожник».

В школах проводились уроки атеизма.

В библиотеки поступали списки запрещенных книг, в которых числились произведения Платона, Канта, Толстого, Достоевского. На концертах декламировали глумливые стихи Демьяна Бедного. Молодежи навязывали роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», в котором высмеивался корыстный священник. Вместо обычной семидневной недели вводилась пятидневка, в которой воскресенье переставало быть

выходным днем. На верующих оказывалось сильное давление: над ними смеялись, их клеймили позором, увольняли с работы.

Такая политика властей давала свои плоды: к середине 1930-х годов в храмах преобладали пожилые, неработающие люди, в основном женщины. Священнослужители становились изгоями в обществе. При виде священника или дьякона, идущего по улице, мальчишки начинали улюлюкать, а могли и закидать грязью или снегом. Теперь прихожанам приходилось сопровождать своих батюшек.

Однако в 1937 году власти стали сворачивать идеологическое наступление на Церковь. Во-первых, в то время богохульство отрицательно воспринималось на Западе (например, в Англию запретили ввозить журнал «Безбожник»), а большевики прислушивались к мнению Запада. Кроме того, писатели-безбожники, в своих опусах очерняя Церковь, очерняли и русскую историю, а это противоречило новой установке властей – воспитывать в народе патриотизм. Известно письмо Сталина Демьяну Бедному, в котором «вождь народов» одернул слишком ретивого богоборца. Он писал:

«...В чём существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее... Вы стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, <...> что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит, и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата».

Но самое главное, что подвигло большевиков приостановить шумную антицерковную кампанию, – это перепись населения 1937 года. Она дала неожиданные результаты: в пункте

Первый выпуск библиотечки «Благовестника» - «Архиепископ Северной Фиваиды» вышел в 2004 году. В нём читателям были представлены проповеди, послания, выступления, интервью архиепископа Вологодского и Великоустюжского Максимилиана. После некоторого перерыва издание серии было продолжено двумя книгами ответов протоиерея Александра Лебедева на вопросы о Православии в современной жизни. В библиотечку «Благовестника», кроме этих книг и двух книг В.А. Якуевича, входят также молитвослов, сборник акафистов избранным вологодским святым, книга «О посмертной участи душ человеческих и о молитве за них»

анкеты «Отношение к религии» большинство граждан, несмотря на угрозу преследований, признали себя верующими. Сталин приказал аннулировать результаты переписи. Многие переписчики были репрессированы.

Властям стало ясно, что информационная борьба с верующим народом не дает результатов. Было решено прибегнуть к привычным для большевиков мерам – репрессиям.

В 1930 году, после закрытия Благовещенской церкви, отец Константин был назначен настоятелем храма Рождества Богородицы. В 1937 году ему было 66 лет. Вот как описывает его внешность в своих воспоминаниях протоиерей Алексей Резухин, начинавший в то время мальчиком прислуживать в храме²: «Митрофорный протоиерей, кандидат богословия, в возрасте 60 лет с небольшим, среднего роста, стройный, прихрамывающий на одну ногу, с небольшой бородкой клинышком, с длинными по плечам волосами тёмно-каштанового цвета без проседи, с намечающейся лысиной на голове, — вот образ его, который как сейчас вижу перед собою. Он был молчалив, очень сосредоточен, необщителен, ровен со всеми. На лице его всегда отражалась какая-то мысль. За архиерейским богослужением он был всегда предстоятелем.

В обращении с Владыкой почтительно сдержан. Служение его внешними данными не отличалось. Иногда он говорил проповеди. Во время всенощных, когда вел службу какой-нибудь другой священник, он всегда стоял в алтаре у столика, который был приставлен справа к жертвеннику и углублялся в молитву, левой рукой чуть-чуть касаясь столика».

Священники из закрывавшихся церковей или уходили за штат, или переходили в церкви, еще оставшиеся открытыми. Так, в нижнем храме Рождества Богородицы оказалось семь священников и три дьякона. Конечно, вместе со священниками переходили и прихожане, точнее – те из них, что оставались твердыми в вере. Фактически этот храм стал кафедральным собором епархии. По площади он был не малым, но имел низкий потолок, а поскольку всегда был переполнен, то в нем было душно.

Пасха 1937 года пришлось на 2 мая. Храм был набит битком, но к тесноте

прихожане привыкли, и не это омрачало праздник. На улице, у стен церкви, комсомольцы устроили настоящий шаш. Такое бывало и раньше, но в этот раз безбожники, отметив свой Первомай, разошлись вовсю. В пьяном кураже пели похабные частушки и, сгрудившись у входа, нагло хватали верующих за руки, не давали пройти в храм. Когда началась служба, на улице слышались вопли, даже кидали камнями в окна, к счастью, закрытые решеткой.

После полунощницы весь клир и прихожане вышли на крестный ход, и, когда плотной колонной с фонарями и свечами двинулись вокруг храма, из окружающей темноты раздался свист и злобный вой, будто темные силы бесновались вокруг. Отец Константин шел, крепко сжимая в руках крест и стараясь глядеть только вперед, но иногда видел появляющиеся из мрака фигуры и пьяные, что-то воющие рожи, которые в неверном свете фонаря казались порождениями ада.

Когда вернулись в храм и отец Константин вышел на амвон, чтобы начать пасхальную заутреню, он увидел, что число прихожан уменьшилось, остались наиболее стойкие. Все взволнованно переговаривались, на лицах было смятение.

- Братья и сестры! – решил батюшка ободрить свою паству. – Пусть не смущает вас нападение злой силы. Наверное, многие задаются вопросом: «Как Господь допускает такие безобразия?» Я расскажу вам такую притчу. Один благочестивый христианин как-то раз пришел в цирюльню, чтобы постричься. Цирюльник, подстригая его, говорил: «А я в Бога не могу поверить. Если бы Бог был, то Он бы не допустил, чтобы на земле жили убийцы, бандиты и тем более те, кто хулит самого Бога». На это христианин отвечал: «А я не верю, что на свете есть цирюльники. Взгляни в окно, видишь, идёт человек, весь заросший волосами. Значит, нет на свете цирюльников». Неверующий возразил: «Да нет же, просто он не хочет идти к цирюльнику – вот и ходит заросший». Христианин сказал на это: «Вот видишь, так и закоренелые грешники не хотят идти к Богу. А ведь Господь ждёт их, ждёт их покаяния. А если не дожждётся, то получат они воздаяние по грехам своим».

- Не унывайте, любезные мои чада, – закончил свою речь отец Константин.

Автор исторической повести «В тихой Вологде» профессор ВГПУ Владимир Яцкевич в 2013 году признан победителем областного конкурса на лучшую православную публикацию в номинации «За веру Христову», где рассматривались материалы о новомучениках и исповедниках нашего края. Конкурс проводится Вологодской епархией и областной организацией Союза журналистов РФ

– Спаситель наш говорил своим ученикам: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с вашей головы не упадет. Терпением вашим спасайте души ваши».

После пасхальной службы, часа в три ночи, всем причтом сели за столы, поставленные в служебном помещении храма. Все были сильно голодны, но старались есть чинно, не спеша.

– Да, молодцы наши женщины, наши Марфы и Марии, такую замечательную трапезу приготовили, прямо как в старые времена, – сказал отец Константин. Все посмотрели на четырех немолодых женщин, только что присевших к краю стола. Всю свою жизнь они посвятили храму: пекли просфоры, прибирались в помещении, по праздникам готовили трапезу; на их попечении была и ризница, и церковная лавка.

Владыки, епископа Иоанна (Соколова), не было. Он был назначен в Вологду год назад, но в храме бывал редко, а сейчас снова уехал в Москву. До него правящим архиереем был архиепископ Стефан, о котором все вспоминали с большой теплотой. В 1935 году Владыка Стефан отслужил Всенощную накануне праздника Воздвижения Креста Господня, а когда вернулся домой, его уже ждал «черный ворон». Потом стало известно, что он сослан в Сыктывкар на вольное поселение, там посещает храм и даже поет на клиросе. Монахиня Анна (Рогозина), одна из тех служительниц, что сидели сейчас за столом, ездила к нему, но оказалось, что Владыка уже заключен в колонию. Ей удалось увидеть его на стройке, где шестидесятивосьмилетний архиепископ вместе с другими заключенными носил песок, камни и мостил дорогу. Анне разрешили короткое свидание с ним, чтобы вручить свою передачу. Она с трудом узнала владыку: он был острижен наголо, предельно изможден. В 1936 году она ездила к нему еще раз, но ей сказали, что владыка Стефан умер и похоронен в общей могиле.

«Не ждет ли и нас подобная участь? – думал отец Константин. – Обстановка в стране становится все более напряженной. Оказывается, на двадцатом году советской власти классовая борьба обостряется. Без конца разоблачают и расстреливают врагов народа. Похоже, что подбираются и к нам. В храме, во время службы, иногда появляются какие-то незнакомцы, они прислуши-

ваются, осматриваются, а вид у них совсем не такой, как у верующих людей. Недавно алтарник Алексей рассказал странную историю. Ему настойчиво навязывается в друзья какой-то неизвестный мужчина средних лет, который сказал, что приехал из Белграда и намекал, что в здешней Церкви благодатность утрачена. Отец Константин велел Алексею избегать этого человека. Конечно, это мог быть посланник Русской Церкви за границей или здешний «иосифлянин»³, но, скорее всего, это был провокатор из НКВД».

Отец Константин обвел взглядом сидящих за пасхальной трапезой. Это были не просто верующие люди, но люди, мужественные в вере: они не оставили Церковь в страшное время гонений. Священники почти все были коренные вологжане, когда-то закончившие Вологодскую семинарию.

Протоиерей Константин Богословский – настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы. Вологда, 1937 г.

Рядом с ним за столом – митрофорный протоиерей Симеон Видякин. Когда-то он преподавал в епархиальном училище, служил в храме Николы на Глинках. Сейчас ему 60 лет. У него шестеро детей, но они и его жена, матушка Павла, редко бывают в церкви.

По другую руку от отца Константина сидит митрофорный протоиерей Николай Замараев, ранее бывший настоятелем храма св. Андрея Первозванного. Он невысок, худощав, с густыми волосами каштанового цвета, с небольшой седой бородкой. Несмотря на свои 68 лет, он бодр, подвижен и каждый день ходит на службу пешком из Фрязинова, что в Заречье. Двое его детей, сын и дочь, стали врачами, живут в Вологде, но с отцом не знают и в церковь не ходят. Жена отца Николая живет у дочери, а сам он ютится в какой-то хибарке. Ухаживает за ним старушка-монахиня. Алтарник Алексей рассказывал, что как-то они с отцом Николаем вместе шли в храм и встретили его сына. Тот прошествовал важно, с портфелем в руках, и даже не кивнул своему отцу. Несмотря на все это, лицо у отца Николая всегда светлое и радостное. Он ни на кого не обижается и готов помочь каждому. По первой просьбе идет исполнять требу на дому, какая бы погода ни стояла на дворе.

Ещё один член причта, сидящий за столом, – протоиерей Михаил Поддьяков, бывший настоятель храма Иоанна Предтечи, что в Рощенье. Это высокий, представительный священник шестидесяти пяти лет, с длинной белой бородой и

длинными седыми волосами. За ним сидит протоиерей Александр Садоков, служивший ранее в Казанской церкви. Ему 56 лет, он высок, могуч, с огненно-рыжими волосами, густой бородой такого же цвета, красным лицом и большими руками, покрытыми веснушками. Служит он истоиво, часто со слезами на глазах, его сильный голос волнует прихожан. Отец Александр – большой любитель рыбной ловли и в свободные дни уезжает на лодке на Сухону или Лежу, ночует там на берегу в палатке. Его жена – дочь священника, тиха и скромна. В церковь она ходит редко, а их четверо взрослых детей выросли нецерковными. Живут все Садоковы в полуподвальном помещении в одной большой комнате, где стоят только кровати и стол со стульями.

Ещё двух присутствующих протоиереев – Павла Рукина и Алексея Алехина – отец Константин знал плохо. Они служили редко и ничем не выделялись...

Все разговелись, выпили по рюмочке вина, повеселели. Диакон завели между собой какой-то шуточный спор. Отец Константин прислушался.

– Нет, отец Иоанн, до протодиакона Михаила Попова, покойного, тебе далеко, – говорил отец Алфей Корбанский. – Тот, когда кончал Евангелие читать, окна дрожали и свечи чуть не гасли.

– Ну, ты бы ещё вспомнил Васильевского, – отвечал отец Иоанн Преображенский. – Этот диакон залезал на колокольню Софийского собора и разговаривал с диаконом Прилуцкого монастыря, который сидел на своей колокольне.

Все вокруг заулыбались, представив себе этот разговор на расстоянии пяти верст.

Протодиакон Иоанн Преображенский, действительно, не отличался сильным голосом, но степенностью и выправкой вполне соответствовал своему званию. Он был в возрасте 55 лет, выше среднего роста, широкоплечий, с пышной, седеющей шевелюрой, маленькой бородкой и голубыми глазами. Отец Иоанн закончил Вологодское духовное училище и служил в храме мученицы Параскевы Пятницы до его закрытия в 1930 году. Годом раньше его вместе с женой и тремя малыши детьми выселили из дома. Чтобы власти оставили семью в покое, отец Иоанн развелся с женой и стал жить отдельно, тайно передавая семье часть своего заработка.

Матушка Анимаиса с детьми и внуками. Вологда, 1932 г.
 Слева направо: Богословский Николай Константинович, Богословская (Манаква) Любовь Константиновна с сыном Володей; Богословская Анимаиса Ивановна с внучкой Натальей; Богословский Александр Константинович

Из храма расходились еще затемно, шли группами с фонарями. Вышли на улицу Ленинградскую, пустынную в этот час. Постепенно группа таяла, но отца Константина до самого дома провожал Василий Николаевич – певчий с правого клироса, бывший царский генерал. Он был не молод, но высок, строен, с молодежьим лицом и с большой, зачесанной на две стороны, бородой. На клиросе он пел уже давно, и отец Константин ценил его хороший бас, но сейчас они впервые разговорились. Оказалось, что после революции он перешел на службу к большевикам, обучал красных командиров военным наукам: фортификации и саперному делу. В 1934 году из Ленинграда выслали всех дворян, так Василий Николаевич оказался в Вологде.

– А к большевикам вы перешли по убеждению или от нужды? – спросил отец Константин.

– Было и то, и другое, – отвечал старший генерал. – Голодали, конечно. Жена сильно болела. Я ведь из бедных дворян, никаких драгоценностей у нас не было. И, кроме того, тогда я считал, что только большевики способны навести порядок в стране. Таких военспецов, как я, у большевиков служило немало. Потом, когда мы стали не нужны, от нас избавились.

Отец Константин тяжело вздохнул. Продолжать разговор он не хотел, тема была слишком опасной.

В мае 1937 года в местных газетах появилось сообщение, что постановлением Вологодского горсовета Богородицкое кладбище закрывается, погребения прекращаются, а через два года оно должно быть полностью уничтожено. Желающим предлагалось переносить останки своих близких на другие кладбища. Сообщалось, что такое решение вызвано строительством новых железнодорожных путей.

Для отца Константина было ясно, что власти нашли удобный предлог, чтобы закрыть сначала кладбище, а затем и расположенный на нем храм. Обсудили это дело с прихожанами и решили написать письмо в Москву с просьбой отменить решение горсовета. Письмо получилось большое, взволнованное. Окончательную редакцию взял на себя профессор Московской духовной академии Сергей Сергеевич Глаголев, отбывавший в Вологде ссылку. В письме предлагалось «сдвинуть ограду кладби-

ща... это уже даст возможность проложить третьи пути, не заставляя тысячи людей переживать неприятности и неудобство, так как на кладбище похоронены у нас родные, могилы которых дороги гражданам, и, надо полагать, в этом ничего предосудительного против установок советской власти нет, так как советская власть также хранит и украшает погребения своих людей...»

Подписи взялся собирать П.А. Девятков, бывший вологодский купец. Подписалось более сотни вологжан, чьи родственники были похоронены на кладбище. Девятков повез прошение в Москву и передал его в Президиум ВЦИК.

Ответа не дождались. А вскоре последовали роковые события...

Отец Константин с матушкой Анимаисой жили в одноэтажном четырехквартирном доме. Недавно проводили в армию младшего сына Александра и остались одни. Старший сын Николай с семьей жил в Грязовце, а дочка Люба – в Великом Устюге. В июне дочка вместе с мужем и двумя маленькими детьми обещала приехать в гости. Надо было готовиться к встрече, запастись продуктами, а денег было совсем мало. Както вечером, возвращаясь домой после церковной службы, Анимаиса Ивановна рассказала подруге о своих заботах. После этого к ним домой потянулись добросердечные прихожане: кто принес полмешка картошки, кто ведро соевых огурцов, кто мешочек риса и туесок яиц. Соседка, которая держала коз, обещала продавать каждый день большую кринку молока. На небольшом огороде возле дома Анимаиса Ивановна обычно выращивала хороший урожай овощей, и уже сейчас на грядках бодро тянулись вверх пучки зеленого лука и наливалась в земле морковка.

Да, священнослужителей сделали изгоями в обществе. Они жили в своем узком кругу, но внутри этого круга они дышали воздухом свободы. Им не надо было участвовать в митингах, собраниях, выслушивать лживые речи, аплодировать, прославлять вождей, клеймить врагов. Они не участвовали в делах тьмы. Плохо было то, что власти постоянно вторгались в этот островок свободы, и особенно болезненно ощущалось то, что власти не давали воспитывать детей. Школа обрабатывала детские души так, что дети священников нередко вырастали неверующими.

Слава Богу, с Любой всё сложилось хорошо. Отец Константин и матушка Анимаиса радовались, глядя на дочь и её семью. На второй день после приезда Люба повела детей в церковь к причастию. Зять Алексей тоже был человеком верующим, он в свое время закончил духовную семинарию в Вологде. К тестю относился с большим уважением, что, впрочем, не мешало ему заводить споры с отцом Константином на церковные темы. Происходило это большей частью во дворе, во время пилки дров. Когда спор достигал особого накала, Алексей бросал пилу и начинал размахивать руками так, что даже дети, игравшие в песочке, поворачивали головки в сторону отца. Его напарник присаживался на чурку и терпеливо слушал, склонив голову.

- Ну, прямо спор наркома Луначарского с патриархом Тихоном, – смеясь, говорила Люба своей матери, глядя в окно на пильщиков. А матушка тихо радовалась тому, что в семье благополучно, что все сыты, все при деле и что поленица дров во дворе растет.

Первого июля вечером гости уезжали, и отец Константин весь день провел в кругу семьи, не отходя от внуков. На пристань ехали все вместе, для этого наняли тарантас. Посадили родных на пароход и долго, со слезами на глазах, махали вслед, пока судно не скрылось за поворотом. Домой возвращались пешком, у обоих на душе было тоскливо. Шли вдоль реки и наблюдали необыкновенный закат: огромное багровое солнце залило полнеба кроваво-красным цветом. Это было красивое и в то же время жутковатое зрелище.

- Какой кровавый закат! – удивлялась матушка. – Будто знамение какое.

Отец Константин вздохнул:

- Нет, матушка, глух наш народ к знаменьям, потому и не даются они ему. Даже страшные испытания не вразумили людей. Ведь тогда, в начале века, неверие множилось в народе, как заразная болезнь. Да и в самой Церкви были нестроения: славолубие, сребролюбие, любоначалие. Вот и попустил Господь войну да революцию. И что же, образумился народ? Нет, еще пуще погряз в грехах. Что мы видим сейчас? Богохульство, разрушение храмов, уничтожение невинных людей. Значит, скоро гнев Божий опять обрушится на Россию. Ждать надо новой страшной кары, – может быть,

какой-нибудь невиданной доселе войны.

- Вчера на вечерней службе я видела какую-то странную женщину. Стоит, лба не перекрестит, только глазами зыркает на всех... Боюсь я, Костя, что и наш храм закроют. Тревожно мне что-то на сердце.

Матушка Анимаиса была единственным человеком, с которым отец Константин позволял себе говорить откровенно.

- Что бы они ни вытворяли, как бы ни бесчинствовали, Церковь Христова устоит и «врата адовы не одолеют ее». Большевики сгинут, аки обры, а христиане останутся. И закрытые храмы откроют, и новыми храмами землю нашу украсят.

Они шли по Пречистенской набережной и смотрели, как догорает огненный закат. Прошли мимо церкви Зосимы и Савватия со спиленным крестом и полуразрушенной колокольней. На другой стороне реки высились обезображенные храмы Николы во Владычной слободе и Димитрия Прилуцкого. Слева тянулось огромное здание семинарии, так хорошо знакомое отцу Константину. Теперь оно было занято каким-то советским учреждением. Внизу, у берега, замерев в одинаковых позах с удочками, стояли рыболовы, и стар и млад. Некоторые, закатав штаны, зашли далеко в воду.

- Помнишь, Костя, ты меня здесь встречал, когда я шла домой с работы? Сорок лет назад это было. Тогда тоже рыболовы здесь стояли, только река была глубже.

Отец Константин взял свою жену под руку.

- Конечно, помню, Аня. Ты была такая робкая, стеснительная. Жизнь тогда совсем другая была. А теперь обмельчала наша жизнь, как река. Всё какие-то мелкие заботы нас одолевают – о пропитании, об одежде. Какие-то страхи нас угнетают...

В доме было непривычно тихо и одиноко. Ночью долго не могли уснуть, и когда в третьем часу, наконец, задремали, раздался шум мотора, а потом громкий стук в дверь и крик: «Открой-те, милиция!» Вошли двое в длинных плащах, один из них сказал:

- Гражданин Богословский Константин Александрович? Вы арестованы. Вот ордер на арест и обыск. Собирайтесь, поедете с нами.

Один из вошедших сел за стол и разложил бумаги, другой стал вытаски-

Константин Богословский в тюрьме НКВД, Вологда, 1937 г.
Фотография из следственного дела

вать полки из комода и вытряхивать содержимое на пол. Пришёл третий, в форме милиционера, и привел двух заспанных мужчин из соседних квартир. «Это понятия», – догадался отец Константин. Он стоял, прислонившись к стене, кровь прилила к голове и противно стучала в висках. С этого момента его жизнь разорвалась надвое: теперь он не настоятель храма, а бесправный заключённый. «Господи, помилуй. Господи, помилуй», – повторял он и постепенно успокаивался. – Ну что же, теперь все это не так страшно, как пятнадцать лет назад. Дети выросли, жизнь прожита, возраст уже смертный». Он посмотрел на матушку: она стояла в оцепенении. Подошел к ней и обнял за плечи. Она прижалась к мужу, он почувствовал мелкую дрожь её тела, погладил её по плечу, хотел сказать слова утешения, но не успел. Раздался грубый оклик:

- Гражданин Богословский, одевайтесь скорее! Мы вас ждем. Возьмите с собой самые необходимые вещи – и на выход. Гражданка Богословская, помогите мужу собраться...

Приведём здесь отрывок из письма внучки отца Константина, адресованного вологодскому историку К.О. Козлову: «Наша семья, Любовь Константиновна Манакова (Богословская), её муж Алексей Авенирович Манаков и двое детей, были в гостях у Богословских в мае – начале июня 1937 года⁴. Пока мы гостили в Вологде, все было спокойно. О. Константин служил в церкви, мы там несколько раз присутствовали.

После окончания отпуска у родителей мы сели на паром, чтобы доехать до Великого Устюга. Но река Сухона обмелела, паром дошёл только до г. Тотмы и сразу же вернулся в г. Вологду. На следующий день мы снова были в квартире дедушки и бабушки Богословских на ул. Ленинградской. Но нас встретила только одна растерянная и расстроенная бабушка Анимаиса Ивановна и рассказала все подробности ночного посещения и сказала, что дедушку о. Константина забрали. Мы стояли как вкопанные, громом пораженные. Потом узнали приговор: «Десять лет без права переписки».

Надо было ехать домой, и нам пришлось отправиться по железной дороге в г. В. Устюг с пересадками...

Наталья Манакова
Рязань, 7.12. 99 г.»

Икона новомученика протоиерея Константина Богословского (1871–1937). Иконописец - Ольга Власова

Мы не знаем и уже никогда не узнаем подробностей содержания отца Константина под стражей. Возможно, к нему применялись меры физического воздействия, ведь в 1937 году они были разрешены официально. Сохранились лишь казённые строки следственного дела, по которым можно судить о стойкости арестованного священника. Его обвиняли в том, что «являясь организатором и руководителем церковно-монархического подполья, проводил непримиримую и систематическую борьбу с советской властью, распускал клевету на сталинскую Конституцию, вождей партии и правительства и вёл контрреволюционную агитацию против всех мероприятий Советской власти». Подписывать постановление, содержащее вымышленные обвинения, отец Константин отказался, а на единственном допросе, произведённом в день ареста, он заявил: «Контрреволюционной деятельности я не проводил».

Я прочла книгу «В тихой Вологде» взахлёб. Не так уж много книг так захватили меня, а уж плакать над прочитанным случилось впервые. Историческая повесть Владимира Яцкевича, по-моему, вполне может лечь в основу сценария телевизионного художественного фильма, потому что книга эта прямо просится на экран – написана живо, образно и драматургично

Лариса Балонина, автор и ведущая радиожурнала «Благовест» на Вологодском областном радио

Тем не менее, допросив нескольких «свидетелей», оперуполномоченный счел обвинения доказанными.

Тройка при УНКВД по Северной области приговорила Богословского 19 сентября 1937 года к расстрелу. Как было указано в документах, приговор привели в исполнение в тот же день.

В ночь с 1 на 2 июля были арестованы также протоиереи Симеон Видякин, Николай Замараев и протодиакон Иоанн Преображенский. Осенью последовала еще серия арестов: все священники и диаконы Рождественско-Богородицкой церкви оказались под стражей. Все проходили по одному делу: их обвиняли в том, что они «являлись членами контрреволюционной монархической группы и распространяли контрреволюционные клеветнические измышления». Большинство арестованных отказались признавать себя виновными и не давали показаний против других обвиняемых. Все арестованные были расстреляны или погибли в лагерях. Та же участь постигла и ссыльных священнослужителей, монахов и монахинь, пребывавших тогда в Вологде.

Анимаиса Ивановна Богословская жила в Вологде до 1944 года, когда её постигло ещё одно горе: на фронте погиб сын Александр. Она переехала в Великий Устюг к дочери и в том же году скончалась в возрасте 69 лет.

После массовых арестов 1937 года служба в нижнем храме Рождества Бо-

городицы прекратилась. Верхний храм, принадлежавший обновленцам, как и Воскресенский собор, был закрыт. Были арестованы также священники и диаконы Лазаревской церкви, а церковь закрыта. Фактически в Вологде остались два священника: Александр Беляев и Николай Добряков. Первый избежал ареста, поскольку его в 1937 году не было в Вологде, а второй был тяжело болен.

Верующий народ требовал открытия храма, и власти вынуждены были пойти на уступку: с 1939 года службы в Рождественско-Богородицкой церкви возобновились. Здесь стал служить отец Анатолий Городецкий, прослуживший всю жизнь в сельском храме. (В начале 30-х годов он был арестован и, отбыв заключение, работал в Вологде дворником). В 1943 году к о. Анатолию пришёл помощник – священник Иоанн Мальцев, в прошлом обновленец, принесший покаяние и допущенный к служению Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием.

Место Вологодского владыки тогда пустовало.

В январе 1945 года в Никольском соборе Ленинграда протоиерей Иоанн Мальцев был пострижен в монашество с именем Иустин, а вскоре совершилась его хиротония во епископа Вологодского и Череповецкого.

Храм Рождества Пресвятой Богородицы оставался единственным в Вологде, и лишь в 1946 году была вновь открыта Лазаревская церковь.

¹ Григорианцы – фактически еще одна разновидность лояльных к советской власти обновленцев. После смерти патриарха Тихона в 1925 году местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (Полянский) был арестован и сослан в Сибирь. Он назначил своим преемником митрополита Сергия (Страгородского). Ряд архиереев во главе с епископом Григорием (Яцковским) не признали это назначение, что и породило раскол, названный григорианским.

² Здесь и далее при описании священнослужителей мы следуем публикации: Резухин А.А., протоиерей. Церковная Вологда тридцатых и сороковых годов // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: Легия, 2000. С. 756-822.

³ Иосифляне – сторонники митрополита Иосифа (Петровых), не признавшие главенство митрополита Сергия за то, что тот пошел на компромисс с властями. В результате образовалась нелегальная, «катакомбная», Церковь. В отличие от Русской Церкви Московского Патриархата, иосифляне за богослужением не поминали имя митрополита Сергия и не молились о «Богохранимой стране нашей, властях и воинстве ея».

Следует заметить, что позиция митрополита Сергия, изложенная им в знаменитой декларации 1927 года, была вынужденной. Признавая законность новой власти, он тем самым пытался спасти Церковь в России от полного запрета. Компромисс с властями никак не касался догматов веры и канонов.

В Вологде в 1930-е годы жило немало ссыльных «иосифлян», в их числе архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Евгений (Кобранов). Все они в 1936–1938 годах были арестованы и бесследно исчезли.

⁴ Ошибка памяти. Правильно: в июне-начале июля 1937 года.

